

UNITED WISDOM

Эпикур: природа без космической угрозы

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-17-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Эпикур: природа без космической угрозы

Мир может быть опасным, не будучи направленным против нас.

United Wisdom · Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

Эпиграф

> *«Счастливое и вечное существо само не испытывает тревоги и не причиняет её другому».*
>
> *Эпикур, «Главные мысли», I, начало. Перевод для этой статьи по английскому переводу R. D. Hicks.*

О чём эта статья

После нескольких неудач легко начать читать события как обращение к себе. Сначала сорвалась договорённость, потом сломалась машина, вечером пришла неприятная новость. Между отдельными происшествиями возникает сюжет: будто происходящее имеет одного автора и этот автор чем-то недоволен. Такой сюжет может быть выразительным, но выразительность ещё не делает его объяснением.

Эпикур предложил картину природы, в которой гроза, движение светил и человеческая смерть не требуют космического обвинителя. Его философский ход заслуживает внимания и там, где его физические объяснения давно нельзя принять. Он позволяет поставить точный вопрос: что в событии действительно угрожает человеку, а что добавляет наше толкование? Но у этого освобождения есть цена. Если природа не выносит приговоров, она не выдаёт и гарантий справедливости. Если жизнь конечна, её ценность приходится искать внутри неё. Ни один из этих выводов не требует презирать религию или объявлять страдание выдумкой. Они требуют внимательнее различать причину, намерение и смысл.

I. Когда событие становится посланием

Представим обычный вечер. Человек возвращается домой после разговора, в котором не смог сказать важное. Над домами собирается гроза. Вспышка освещает комнату, и на несколько секунд возникает мысль: всё сегодня складывается против меня. В этой условной сцене легко соединяются разные уровни происходящего.

Есть неудавшийся разговор. Есть погода. Есть усталость. А поверх них возникает общее объяснение, превращающее день в приговор. Оно связывает события быстрее, чем удаётся проверить, связаны ли они вообще. Гроза получает отношение к тому, что случилось за обеденным столом; поломка — отношение к тому, какое решение было принято неделю назад. Мир словно начинает разговаривать на языке наказаний.

Такое толкование необязательно религиозно. Человек может не верить в богов и всё равно воображать жизнь устроенной как нравственный экзамен. Удача тогда подтверждает правильность выбора, неудача разоблачает скрытый порок. Случайности становятся замечаниями экзаменатора, хотя самого экзаменатора никто не видел.

Разумеется, события бывают обращены к человеку. Письмо действительно написал отправитель; отказ иногда выражает намерение; поступок может иметь нравственное значение. Ошибка начинается там, где свойство человеческого общения переносится на всё происходящее без дополнительного основания. Для объяснения дождя уже недостаточно воды и воздуха: ему приписывается мнение о нас.

Здесь полезно разделить два вопроса. Первый: какие обстоятельства привели к событию? Второй: что оно означает для моей жизни? Второй вопрос может быть глубоким и необходимым. Но личное значение не доказывает наличие личного адресанта. Человек вправе увидеть в остановке повод пересмотреть свой темп. Из этого не следует, что неизвестная сила специально сломала машину, чтобы преподать урок.

Это различение не обедняет опыт. Оно оставляет человеку возможность осмыслять случившееся, не делая своё осмысление чужим тайным замыслом. Гроза может оказаться важной частью вечера. Она не обязана быть высказыванием о его достоинстве.

II. Зачем философу понадобилась физика

Эпикур жил в 341–270 годах до нашей эры. В Афинах он создал школу, известную как Сад. Его учение связывало представление о природе с вопросом о спокойной и приятной жизни; сведения о нём сохранились, в частности, у Диогена Лаэртского. Дэвид Констан, «Epicurus», разделы 1–2.

В письме к Геродоту, §§39–45 и 76–82 Эпикур описывает тела и пустоту, движение атомов и множество миров. Небесные явления он отделяет от забот и гнева блаженного божества. Для объяснения природы предлагается искать её устройство, а не намерение сверхчеловеческого правителя.

Попробуем оценить этот ход независимо от готовности принять всю систему. Он меняет сам тип вопроса. Если за вспышкой стоит разгневанное существо, главное — угадать,

чем оно недовольно. Если перед нами природное явление, главное — разобраться, при каких условиях оно возникает. В первом случае расследуется чужая воля. Во втором — обстоятельства и связи.

От этого зависит и возможное действие. Обнаружив мокрый пол, можно спрашивать, почему жизнь снова испытывает нас. Можно также проверить трубу. Второе действие не запрещает размышлять о первом вопросе, но помогает не смешивать разные задачи. Разговор о смысле не должен занимать место проверки причины там, где причина доступна.

При этом причинное объяснение не равняется полному знанию. Мы можем обнаружить неисправность и не знать, почему она случилась именно сегодня; понять часть процесса и не понимать остальных частей. Отказ от обвиняющей воли не требует немедленно заполнить все пробелы. Он лишь убирает автоматический переход от неизвестности к предполагаемому преследованию.

Такую физику можно назвать изменением масштаба внимания. Человек перестаёт считать себя обязательным центром каждого события. Это не означает, что он ничтожен. Значимость для близких, ответственность за поступки и способность чувствовать не зависят от того, организована ли погода вокруг его биографии.

Возможность существовать без постоянного космического комментария открывает особую свободу: не всё происходящее требует оправдания перед нами, и не перед всем происходящим должны оправдываться мы. Исследование мира получает собственный предмет; человеческая жизнь — пространство, которое не нужно непрерывно защищать от воображаемого обвинения.

III. Не знать точно — не значит верить чему угодно

У освобождающего объяснения есть соблазн: выбрать первую удобную версию и перестать спрашивать. Если рассказ уменьшает тревогу, зачем проверять его дальше? Именно здесь спокойствие рискует превратиться в способ не замечать неудобных фактов.

В письме к Пифоклу, §§85–88 и 100–104 допускается несколько объяснений далёких природных явлений, согласующихся с наблюдаемым. Для грома и молнии перечисляются разные возможные причины. Такой подход связан с пределами доступного знания: не следует произвольно объявлять единственной одну из версий, если наблюдение её не выделяет.

Это древний способ рассуждать о природе, а не готовая инструкция современной науке. Однако в нём можно увидеть полезное различие между ограниченным знанием и

неограниченным вымыслом. Несколько объяснений допустимы не потому, что всякий рассказ одинаково хорош. Их связывает требование согласоваться с тем, что удаётся наблюдать.

Возьмём другой условный пример. Знакомый не ответил на сообщение. Он мог быть занят, мог не увидеть его, мог не захотеть разговаривать. Пока данных мало, несколько версий остаются открытыми. Но предположение, что против нас действует весь мир, не получает поддержки от одного непрочитанного сообщения. Большой рассказ не становится вероятнее только потому, что хорошо выражает наше состояние.

Здесь современное применение расходится с древней темой небесных явлений, и его нужно назвать применением, а не учением Эпикура о переписке. Мы берём форму вопроса: какие версии совместимы с известным, что могло бы их различить и где начинается добавленное нами? Это рассуждение о способе судить, а не утверждение о том, что скрыто в голове знакомого.

В таком подходе остаётся напряжение. Иногда нужно принять решение до того, как появятся все сведения. Можно действовать осторожно, имея неполную картину, и честно назвать решение предварительным. Ожидание абсолютной ясности способно стать столь же неподвижным, как уверенность без оснований.

Поэтому ценность ограниченного знания не в отказе выбирать. Она в возможности не выдавать выбор за окончательный приговор о реальности. Один вечер позволяет сказать: ответа пока нет. Он ещё не позволяет сказать: я отвергнут навсегда. Свободное место между этими фразами — место дальнейшего наблюдения.

IV. Боги, которым не требуется наша тревога

Было бы удобно изобразить Эпикура первым человеком, просто отменившим богов. Но это сделало бы его удобнее ценой точности. В письме к Менекею, §123 он утверждает существование богов, одновременно оспаривая привычные представления о них. О точной природе эпикурейских богов продолжается исследовательский спор. Констан, «Epicurus», раздел 5.

Первое из «Главных мыслей» связывает блаженное и бессмертное существо с отсутствием собственного беспокойства и причиняемых другим тревог; гнев и пристрастие отнесены к слабости. Это богословское положение внутри философской системы, а не экспериментально установленное свойство божественного.

У этого положения есть острый внутренний вопрос: зачем совершенному существу постоянно защищать себя от недостаточного внимания людей? Если оно зависит от похвалы, обижается на пропуск церемонии и отвечает катастрофой на человеческую

ошибку, что именно в нём совершенно? Здесь образ блаженства сталкивается с образом властителя, которому непрерывно требуется подтверждение власти.

Можно не принимать эпикурейский ответ и всё же заметить силу вопроса. Страх не является сам по себе доказательством почитания. Представление о божественном не становится более высоким от того, что оно превращает всякую беду в заслуженную кару. Иногда суровость образа сообщает больше о человеческом понимании власти, чем о предмете веры.

Это рассуждение не позволяет объявить все религиозные представления одинаковыми или примитивными. Разные учения по-разному понимают действие Бога, страдание, справедливость и свободу. Из позиции одного философа не следует приговор всей религиозной жизни. Именно поэтому точнее обсуждать конкретный образ, а не воевать с общим словом «религия».

Не менее важно избежать обратной крайности. Из того, что определённый образ бога противоречив, не получается доказательство любой противоположной картины мира. Критика устраняет конкретное основание; она не предоставляет автоматически полной картины того, что существует.

Для читателя здесь остаётся собственная работа различения. Во что именно он верит: в возможность смысла, в нравственное устройство мира, в заботу, в санкцию за непослушание? Эти положения не тождественны. Их можно рассмотреть по отдельности, не заставляя каждое неожиданное происшествие подтверждать сразу весь набор.

Тогда спокойствие перестаёт быть наградой за угадывание чужого настроения. Оно становится возможностью не превращать собственную уязвимость в бесконечное обязательство перед невидимым надзирателем.

V. Смерть и боль, которую довод не отменяет

В письме к Менекею, §§124–125 довод о смерти построен на отсутствии ощущения: пока человек существует, его смерти ещё нет; когда она наступила, уже нет того, кто мог бы переживать её как состояние. Такое рассуждение опирается на эпикурейскую картину человека. Его нельзя выдавать за доказательство, обязательное для любой метафизики.

Сила довода видна там, где воображение помещает нас внутрь собственного небытия. Человек представляет, как будет вечно находиться в темноте, вечно жалеть о пропущенной жизни или наблюдать мир, к которому больше нельзя прикоснуться. Но в этой картине отсутствие человека незаметно получает самого человека в качестве зрителя. Он уже не существует — и всё ещё сидит на зрительском месте.

Устранить такое противоречие не значит устранить всё, что связано со смертью. Человек может бояться процесса умирания, расставания, незаконченных дел. Может сожалеть о возможности не увидеть, как вырастут дети. Может оплакивать того, кто умер. Эти переживания не требуют воображаемого присутствия внутри небытия. Они принадлежат живой связи с жизнью.

Поэтому здесь возникает серьёзное возражение. Потеря может иметь значение для нас не только как пережитая боль, но и как утрата возможного будущего. Из отсутствия посмертного ощущения ещё не следует, что продолжение жизни и её прекращение равноценны. Так обнаруживается предел самого довода.

Довод остаётся полезным, если не заставлять его делать лишнюю работу. Он разбирает одну определённую картину ужаса: вечное переживание своего отсутствия. Он не обязан одним движением решить вопрос о ценности будущего, объяснить горе и предложить всем одинаковое утешение.

Такая ограниченность не делает мысль слабой. Напротив, точный аргумент заслуживает большего доверия, чем обещание успокоить человека целиком. Можно отказаться от представления о бесконечной посмертной пытке и всё же любить жизнь, бояться утраты и нуждаться в близости. Внутреннее освобождение не должно сопровождаться требованием чувствовать только то, что удобно философской схеме.

Если перенести это различение на обычный день, появляется вопрос о расходовании внимания. Сколько сегодняшнего времени занимает воображаемое переживание того, что по принятой нами картине вообще не будет переживаться? Ответ не возвращает потерянные часы автоматически. Но позволяет заметить, чем именно мы заполняем конечную жизнь.

VI. Природа без обвинителя — природа без поручителя

После отказа от космической враждебности легко сделать следующий, уже необоснованный шаг: решить, что мир поэтому должен быть безопасным. Но отсутствие намерения причинить зло не означает отсутствия вреда. Упавшая ветка не испытывает злобы; это не помогает тому, на кого она упала. Для признания опасности не обязательно находить ненависть.

Более того, природа, которая не карает, не обязана и вознаграждать. Человек может поступить достойно и получить неприятный результат. Может ошибиться и случайно избежать последствий. Если видеть в исходе безошибочную оценку поступка, приходится либо оправдывать жестокость, либо выдумывать скрытый счёт, который когда-нибудь обязательно сойдётся.

У стоика Эпиктета есть другой философский ответ. В «Беседах», I.6, «О промысле» устройство мира рассматривается как основание для признания промысла и благодарности; человеческая способность понимать его получает особое назначение. Это существенное отличие от эпикурейского отделения природных процессов от божественного управления.

Два ответа нельзя склеить в одну древнюю мудрость. В одном человек ищет своё место в осмысленном устройстве целого. В другом освобождается от необходимости читать природные явления как действия заботящегося или гневающегося правителя. Оба подхода могут обсуждать спокойствие, но одинаковое слово не устраняет разницу оснований.

Для нашей темы важен выбор, который эта разница обнажает. Спокойствие можно искать в уверенности, что всё включено в правильный порядок. Можно искать в отказе считать всякое событие сообщением о себе. Первый путь предлагает доверие к целому; второй оставляет больше работы конечным человеческим связям.

Вторая возможность бывает трудной. Без обещания, что добро обязательно окупится, добрый поступок приходится оценивать иначе: по тому, что он делает с конкретной жизнью, отношениями, условиями общего существования. Смысл действия не исчезает вместе с гарантом. Исчезает автоматическая расписка в будущем вознаграждении.

В такой картине помощь другому имеет особый вес. Она не является маленькой копией гарантированного космического порядка. Она создаёт ограниченный человеческий порядок там, где гарантий нет. Мы не можем обязать мир быть справедливым целиком. Но можем отвечать за то, что происходит между нами в пределах действительного участия.

VII. Как много нужно, чтобы перестать ждать разрешения жить

В письме к Менекею, §§127–132 различаются естественные и пустые желания, а выбор удовольствий связывается с последствиями: не всякое приятное стоит выбирать, не всякой боли следует избегать. В «Главных мыслях», XXVII, XXXI и XXXIII особо выделены дружба и соглашение не причинять друг другу вреда.

Отсюда можно развить современный вопрос о достаточности. Представим человека, который каждый раз переносит начало нормальной жизни на следующую отметку: ещё один успешный проект, ещё одно признание, ещё одна сумма. Дело не в том, что у него слишком много желаний. Дело в условии, которое он поставил настоящему: пока отметка не достигнута, настоящее не считается полноценным.

Такое условие способно пережить любой успех. Если критерий сформулирован как «больше, чем сейчас», у него нет заранее определённого завершения. Завтра появится новое «сейчас». Снаружи это может выглядеть как движение, но внутри человек всё время остаётся перед закрытой дверью, ключ от которой обещан после следующего достижения.

Сам по себе масштаб цели ничего не доказывает. Большой замысел может быть осмысленным и приносить радость; небольшое желание — держать в напряжении. Значение имеет устройство зависимости. Можно работать над трудной книгой, ценя уже происходящую жизнь. Можно обладать удобным домом и чувствовать, что он всё ещё не даёт права успокоиться.

Поэтому достаточность не обязана означать отказ от развития. Она позволяет различить продолжение работы и отсрочку существования. Первое добавляет что-то к жизни. Второе объявляет нынешнюю жизнь черновиком, ценность которого всё время зависит от ещё не наступившего доказательства.

В этой точке возвращается тема космического приговора. Иногда его роль выполняет воображаемый безошибочный зритель: он должен наконец признать, что мы состоялись. Но неизвестно, кто этот зритель, каковы его правила и достаточно ли будет следующего успеха. Он похож на властителя грозы тем, что его мнение нельзя проверить, а его недовольство легко предположить.

Конкретные отношения устроены иначе. Друг может сказать, что ему нужна наша помощь; договорённость можно уточнить; благодарность можно услышать. Здесь остаются сложности и возможность ошибки, зато появляется предмет разговора. Живая связь не гарантирует безопасности, но даёт ей форму, которую можно поддерживать поступками, а не бесконечным угадыванием.

Это авторское применение эпикурейского вопроса о желаниях. Оно не превращает всякую амбицию в болезнь и не устанавливает универсального размера хорошей жизни. Оно спрашивает лишь, какая цель расширяет жизнь, а какая непрерывно отменяет её до нового подтверждения.

VIII. Почему освобождающая мысль тоже нуждается в проверке

За философом, который уменьшает страх, хочется сохранить право на ошибку. Иначе любое несогласие словно возвращает нас к старому ужасу. Но если спокойствие зависит от запрета проверять любимое объяснение, оно становится очень хрупким: приходится охранять объяснение от мира.

У Эпикура были вполне определённые представления, которые нельзя переносить в современное знание. В письме к Пифоклу, §91 размер Солнца рассматривается как близкий к тому, каким оно выглядит. Современная астрономия описывает его как звезду примерно в сто раз шире Земли, находящуюся приблизительно в 150 миллионах километров от нас. NASA, «Sun: Facts». Сходство отдельных древних слов с современными терминами не делает древнюю физику современной теорией.

Этот пример мешает удобной истории, в которой ранний мыслитель просто угадал всё главное, а следующие века лишь уточнили детали. Философский замысел и истинность конкретного объяснения — разные предметы проверки. Можно ценить вопрос, поставленный Эпикуром, и не принимать его ответ о размере светила. Можно увидеть пользу отказа от суеверной угрозы и не считать всякое предложенное им объяснение верным.

Есть и более тонкая опасность. Если объявить целью познания только спокойствие, неудобные сведения окажутся лишними. Но человеку иногда необходимо узнать о реальной опасности, пересмотреть приятную привычку, признать ограничение собственного понимания. Уменьшение беспокойства сегодня не всегда равно лучшему решению на длительном промежутке.

В «О природе вещей», I.936–950 Лукреций сравнивает поэтическое изложение учения с мёдом на краю чаши, помогающим принять горькое лекарство. Этот античный образ позволяет задать вопрос самому нашему тексту: что делает красивый язык — помогает увидеть мысль или закрывает её слабые места?

Ответ нельзя получить по силе впечатления. Хороший образ способен удержать внимание; он не способен заменить основание. Рассказ о неугрожающей природе тоже нуждается в проверке там, где из него выводятся утверждения о том, что действительно происходит.

Поэтому от Эпикура можно взять вопрос, не присягая всему его ответу. Как отличить наблюдение от добавленного толкования? Какая опасность подтверждена? Что мы знаем о причине? Где удобный рассказ стал увереннее собственных оснований? Способность задавать эти вопросы сохраняет философию живой лучше, чем неприкосновенность имени.

IX. Что это значит на практике

Вернёмся к человеку у окна. Разговор не состоялся так, как хотелось. Гроза продолжается. Усталость никуда не ушла. Чтобы посмотреть на вечер иначе, не нужно объявлять всё случившееся хорошим. Не нужно и заставлять себя почувствовать спокойствие по требованию философа.

Можно начать с того, что действительно известно. В разговоре осталась несказанная мысль. Человек рядом ответил определённым образом. За окном идёт дождь. Из этих наблюдений пока не следует, что жизнь выносит окончательную оценку. Неприятность остаётся неприятностью, но перестаёт автоматически представлять собой целое отношение мира к человеку.

Дальше появляется более точная работа. Есть ли возможность вернуться к разговору? Что именно не удалось выразить? Требует ли поломка ремонта или изменения привычки? Где нужна помощь другого человека? Эти вопросы скромнее вопроса о тайном замысле вселенной. Зато ответы могут относиться к действительной ситуации.

Бывает, что ответа нет или действие ничего не исправляет. Не каждую потерю можно обратить в задачу, не каждый ущерб — в урок. Тогда честность означает не достраивать утешительный сюжет только ради завершённости. Беда может остаться бедой. Ей не обязательно давать роль в предполагаемом плане нашего улучшения.

Личный смысл при этом не запрещён. Случившееся может изменить приоритеты, открыть важность отношений, показать предел привычной уверенности. Но такой смысл возникает в нашем ответе и не становится доказанным намерением причины. Человек может выбрать сделать из пережитого что-то значимое. Он не обязан считать, что пережитое было специально устроено ради этой возможности.

Это различие защищает и от жестокого требования находить пользу в любой боли. Если смысл создаётся в ответе, его нельзя навязать пострадавшему как обязанность перед миром. Помощь, молчание, время и признание утраты могут быть уместнее красивого объяснения.

Природа без космической угрозы не обещает вечной безопасности. В ней остаются риск, конечность и незнание. Но к ним не обязательно добавлять ещё одно страдание — необходимость постоянно доказывать свою невиновность перед всем происходящим.

За окном снова вспыхивает молния. Она освещает комнату, стол, оставленную чашку. Разговор всё ещё ждёт продолжения. У вечера нет удостоверенного мнения о человеке. У человека остаётся вечер.

Ключевая цитата

> *«Приучи себя верить, что смерть для нас — ничто...»*
>
> *Эпикур, письмо к Менекею, §124, начало. Перевод для этой статьи по английскому переводу R. D. Hicks.*

Формула не обещает устранить горе. Она направлена против одной картины страха — будто мы будем бесконечно переживать собственное отсутствие. За её пределами остаются конечная жизнь, привязанность к ней и ответственность за то, что ещё возможно.

Связи между традициями и способами понимания

Одна сторона	Другая сторона	Связь и граница сравнения
Эпикурейское объяснение природы	Стоическое учение о промысле у Эпиктета	Общая забота о человеческом спокойствии не означает общей метафизики: устройство мира объясняется по-разному.
Древняя физика Эпикура	Современная астрономия	Один предмет исследования не даёт одинаковых ответов. Совпадение терминов не подтверждает древнюю теорию.
Философский довод о смерти	Живая боль утраты	Устранение противоречивой картины небытия не отменяет отношения к конечной жизни.
Личное значение события	Намерение его причины	Значение можно создавать и обсуждать, не объявляя намерение установленным.

Первоисточники и исследования

1. Эпикур. Письмо к Геродоту, §§39–45, 76–82; у Диогена Лаэртского, книга X. Открытый английский перевод C. D. Yonge, 1895, Attalus. Устройство природы и отделение небесных процессов от божественной заботы и гнева.

2. Эпикур. Письмо к Пифоклу, §§85–88, 91, 100–104; у Диогена Лаэртского, книга X. Открытый английский перевод C. D. Yonge, 1895, Attalus. Несколько допустимых объяснений и конкретный предел древней астрономии. Атрибуция письма обсуждается исследователями; здесь используется традиционно переданный текст, а не самостоятельное доказательство авторства каждой строки.

3. Эпикур. Письмо к Менекею, §§123–125, 127–132. Английский перевод R. D. Hicks, Internet Classics Archive. Боги, довод о смерти, желания и выбор. Использованы соответствующие фрагменты, без выдачи русского пересказа за прямую цитату.

4. Эпикур. «Главные мысли», I, XXVII, XXXI, XXXIII. Английский перевод R. D. Hicks, Internet Classics Archive. Блаженство богов, дружба и соглашение о непричинении вреда.

5. Эпиктет. «Беседы», I.6, «О промысле». Английский перевод George Long, Internet Classics Archive. Конкретный стоический контраст; не обзор всей стоической традиции.

6. Лукреций. «О природе вещей», I.936–950. Английский стихотворный перевод William Ellery Leonard, Project Gutenberg, ebook 785. Образ мёда и горького лекарства; прочитан использованный фрагмент, не заявлено полное чтение поэмы.

7. David Konstan. «Epicurus», Stanford Encyclopedia of Philosophy, редакция от 8 июля 2022 года, разделы 1–2 и 5. Академический комментарий для исторического контекста и границ интерпретации учения о богах; не самостоятельный античный источник.

8. NASA. «Sun: Facts». Размер Солнца и расстояние от Земли; современный контрпример к древнему объяснению.

Теги

Эпикур, эпикуреизм, античная философия, природа, атомизм, картина мира, космическая угроза, страх, причинность, намерение, смысл, наблюдение, неопределённость, границы знания, боги, промысел, смерть, конечность, желания, достаточность, дружба, ответственность, Эпиктет, Лукреций, история мысли.

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины.

Instagram: @andrey.zarinsh

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами.

Instagram: @ilkutki